

Примѣнительно къ договорамъ Руси съ греками дѣло идетъ не о конъектуральномъ восполненіи лакувъ, а о дивинаторномъ восстановленіи первоначальнаго текста по дошедшему тексту искаженному. Для этой цѣли необходимо установить причину искаженія и выяснить, такъ сказать, путь, по которому искаженіе вошло въ текстъ; тогда только, пройдя тотъ же путь въ обратномъ направленіи, можно съ значительной долей вѣроятности добраться до первоначальнаго текста и яснаго смысла. Первымъ и необходимымъ условіемъ является такимъ образомъ правильная разгадка причины искаженія. Разгадка эта будетъ правильной, если она основывается на достовѣрныхъ данныхъ относительно составленія текста, почерпнутыхъ изъ другого источника, или выведенныхъ строго логически изъ самаго содержанія критикуемаго текста. Нечего и говорить о томъ, что у изслѣдователя договоръ Руси съ греками нѣтъ въ распоряженіи никакихъ другихъ источниковъ, кромѣ самаго ихъ текста. Спрашивается поэтому, какіе же выводы изъ содержанія текста договоровъ дѣлаеть г. Бараць относительно причины и путей его искаженія.

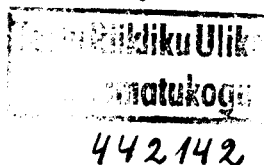
На этотъ вопросъ г. Бараць отвѣчаетъ нижеслѣдующимъ пространственнымъ разсужденіемъ: „Въ каждой изъ трактующихъ грамотъ не найдется почти ни одного предложенія, которое не было бы осложнено излишними, совершенно чуждыми его содержанію, словами и фразами, занесенными въ него изъ другихъ мѣстъ не только данной грамоты, но и изъ остальныхъ грамотъ, или же наоборотъ, не замѣчалось бы отсутствіе нужныхъ, по смыслу, словъ и выраженій, которыя, послѣ тщательныхъ розысковъ, можно найти спрятанными въ другомъ мѣстѣ одной изъ грамотъ, а иногда даже въ одномъ изъ лѣтописныхъ извѣстій о событіяхъ княженій Олега, Игоря и Святослава. Произошла же, можно думать, эта путаница, между прочимъ, оттого, что составитель одного изъ предшествовавшихъ Повѣсти временныхъ лѣтъ бытописательныхъ сводовъ имѣлъ подъ руками подлинныя черновики грамотъ, испещренные пометками, поправками и выносками и, по ветхости, разорванные на мельчайшіе клочки, изъ коихъ нѣкоторые совсѣмъ утратились, а въ оставшихся инья слова были вырваны или неразборчивы. Эти-то клочки, перемѣшанные и перепутанные, сводчикъ и списалъ въ свой сборникъ и затѣмъ, раздобывъ, быть можетъ, обрывки другихъ копій грамотъ, вносилъ по нимъ на поляхъ рукописи или между столбцами страницъ, на коихъ изложены грамоты, а иногда даже въ пробѣлахъ одного изъ послѣдующихъ за ними или предшествоющихъ имъ листовъ сборника, различныя поправки и дополненія, отмѣчавъ выносными знаками, къ какимъ мѣстамъ договоровъ они относятся. При дальнѣйшихъ же перепискахъ на эти знаки не обращали вниманія или же они со временемъ стерлись, почему поправки, стоявшія на поляхъ, напр., въ концѣ страницы, попадали въ текстъ ближайшей договорной статьи, хотя онѣ, въ дѣйствительности, относи-

Г. М. Бараць. Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіей. Восстановленіе текста, переводъ, комментарий и сравненіе съ другими правовыми памятниками, въ частности — съ Русскою Правдою. Кіевъ, 1910. 265 стр. in 8°.

Въ настоящее время, когда споры о подложности договоровъ Руси съ греками давно уже преданы забвенію, и никто болѣе не сомнѣвается въ подлинности этихъ первыхъ по времени юридическихъ памятниковъ нашей древности, изслѣдованіе ихъ все же сопряжено съ величайшими затрудненіями. Затрудненія эти происходятъ изъ несомнѣнной испорченности дошедшаго до насъ лѣтописнаго текста договоровъ, приводящей къ крайней неясности цѣлаго ряда содержащихся въ нихъ постановленій. Неясность вызываетъ большія противорѣчія въ толкованіи многихъ договорныхъ статей различными изслѣдователями. Она же заставляетъ иныхъ наиболѣе осторожныхъ изслѣдователей (В. И. Сергѣевича) совершенно отказываться отъ толкованія нѣкоторыхъ статей договоровъ. Такъ какъ въ настоящее время нельзя болѣе ожидать „лучшихъ и древнѣйшихъ списковъ“, на что могъ надѣяться Шленеръ, то приходится мириться съ искаженіями и неясностью текста, какъ съ печальнымъ, но непоправимымъ фактомъ, который обязываетъ изслѣдователей къ крайней сдержанности въ дѣлѣ вывода изъ договоровъ разнаго рода историко-юридическихъ заключеній.

Съ указаннымъ фактомъ не желаетъ мириться новѣйшій изслѣдователь договоровъ — Г. М. Бараць. Онъ полагаетъ, что разъ дошелъ до насъ текстъ искаженный, то необходимо восстановить подлинный первоначальный текстъ, и беретъ на себя дѣло этого восстановленія. Осуществляетъ же свою задачу авторъ „пріемами филологической, преимущественно конъектуральной (дивинаторной) критики“ изслѣдуемыхъ памятниковъ „въ связи съ юридико-сравнительнымъ ихъ изученіемъ“ (с. VI).

Дивинаторная критика древнихъ текстовъ допустима, и результаты ея могутъ быть плодотворными. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что успѣхъ и самый смыслъ подобной критики зависятъ всецѣло отъ строгости ея пріемовъ.

лись къ статьѣ, помѣщенной въ самомъ началѣ страницы, или даже чрезъ нѣсколько страницъ впереди или назадъ“ (с. VII—VIII).

Предположивъ такой путь искаженія, авторъ для возстановленія текста идетъ аналогичнымъ путемъ въ обратномъ направленіи, — разставляетъ фразы и слова по надлежащимъ, какъ ему представляется, мѣстамъ, продѣлывая работу, „сходную съ т. н. въ типографскомъ дѣлѣ переборкою строкъ и переверсткою полосъ“ (с. VIII).

Не можетъ быть, думается намъ, двухъ мнѣній о томъ, что предположеніе г. Бараца о путяхъ искаженія текста договоровъ является ни на чемъ не основаннымъ и совершенно голословнымъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ фантазіей автора, не болѣе, но одной лишь силы воображенія не достаточно и для дивинаторной критики.

Совершенно напрасно пытается г. Барацъ (с. 2—4) связать свое произвольное предположеніе съ тѣмъ приемомъ, помощью котораго въ свое время Ламбинъ обнаружилъ „сшивки“ въ разсказѣ лѣтописи о походѣ Олега на Царьградъ. Ламбинъ отправлялся отъ анализа содержанія разсказа, путемъ котораго ему удалось установить механическое соединеніе въ немъ двухъ источниковъ. Основываясь на этомъ, Ламбинъ расшилъ, такъ сказать, разсказъ и возстановилъ двѣ первоначальныя его версіи. Ничего подобнаго мы не находимъ у г. Бараца. Онъ не выводитъ своего предположенія изъ анализа содержанія текста, но строить его совершенно произвольно. Въ пользу предположенія можно привести развѣ то лишь соображеніе, что такъ могло быть. „Но вѣдь изъ того, что все это могло быть, отнюдь нельзя заключить, что оно дѣйствительно такъ и было“, какъ справедливо замѣчаетъ самъ г. Барацъ, полемизируя съ другими (с. 18). Правильнѣе однако думать, что такъ и не могло быть. Если-бы дошедшій до насъ текстъ договоровъ былъ дѣйствительно составленъ по рецепту, продиктованному пылкимъ воображеніемъ г. Бараца, въ немъ очевидно не оказалось бы никакого смысла, и онъ на самомъ дѣлѣ былъ бы „тарабарской грамотой“, какъ неосторожно называетъ его г. Барацъ (с. VIII). Всѣмъ однако извѣстно, что дѣло не обстоитъ столь плохо: текстъ договоровъ не ясенъ, искаженъ, но не безсмысленъ.

Допустимъ однако, что дѣло было такъ, какъ предполагаетъ г. Барацъ, и извлечемъ изъ его предположенія соотвѣтственныя указанія для изслѣдователя. Согласно предположенію г. Бараца причина искаженія текста была совершенно случайная, механическая, и путь этого искаженія не оставилъ въ текстѣ никакихъ слѣдовъ, по которымъ можно было бы искаженіе устранить. Отсюда съ очевидностью слѣдуетъ, что нѣтъ никакой возможности возстановить первоначальный текстъ. Но г. Барацъ этого вывода не дѣлаетъ, и смѣло принимается за „переборку“ строкъ и словъ.

Конечно „перебирать“ строки и слова можно и при извѣстномъ дарованіи въ этомъ отношеніи можно составить изъ отовсюду набран-

ныхъ строкъ и словъ нѣкоторый текстъ, который будетъ даже отличаться „замѣчательною ясностью, точностью и выразительностью языка и высокимъ внутреннимъ достоинствомъ содержанія“ (с. VIII). Пусть все это такъ, но спрашивается, какое значеніе для историка имѣетъ подобный текстъ, полученный въ результатѣ „цѣлаго ряда хирургическихъ операцій“ (с. 56), произведенныхъ надъ памятникомъ? — Никакого, особенно въ виду того, что г. Барацъ занимается пластической хирургіей, которая не устраняетъ новообразованій, но сама создаетъ ихъ.

Плодомъ дивинаторной критики г. Бараца является „полный исправленный текстъ договорныхъ грамотъ, клятвенныхъ формулъ и относящихся къ заключенію и утвержденію договоровъ лѣтописныхъ разсказовъ“ (с. 227 слѣд.). Въ этомъ „исправленномъ текстѣ“ поражаетъ читателя явная несообразность, состоящая въ томъ, что и лѣтописные разсказы, и вводныя, и заключительныя части грамотъ говорить о трехъ договорахъ — Олега, Игоря и Святослава (с. 227—228, 244, 231—232), между тѣмъ для самыхъ договорныхъ статей („а о главахъ“) установленъ лишь одинъ текстъ (с. 233—244). Текстъ этотъ, раздѣленный на 37 статей, снабженныхъ особыми заголовками, совмѣщаетъ въ себѣ все содержаніе двухъ основныхъ договоровъ — 911-го и 945-го годовъ, или точнѣе, всѣ ихъ фразы и слова, переверстанныя г. Барацемъ и разставленныя по своимъ, какъ онъ думаетъ, мѣстамъ.

Всѣ переверстки, переборки и разстановки сдѣланы по вдохновенію дивинатора. Въ основѣ ихъ нѣтъ руководящаго начала, которое было бы выведено изъ анализа самаго памятника и предпослано возстановительной работѣ. Почему авторъ составилъ одинъ сводный текстъ для всѣхъ договоровъ, совершенно не понятно. Несомнѣнно однако, что именно этотъ текстъ г. Барацъ считаетъ „оригиналомъ мирнаго трактата“ (с. 128). Не будемъ вступать съ авторомъ въ пререканія по этому поводу. Помиримся на томъ, что самъ авторъ называетъ свой текстъ не возстановленнымъ, но „исправленнымъ“. Конечно никому не возбраняется исправлять историческіе документы, но подобной работы отнюдь нельзя назвать критикой текста въ научномъ значеніи этого слова.

Исправляя текстъ, г. Барацъ стремится къ тому, чтобы всякая статья имѣла ясный смыслъ. Въ качествѣ критерія исторической достовѣрности этого смысла г. Барацъ выдвигаетъ сравнительно-историческое, или какъ онъ самъ выражается, „юридико-сравнительное изученіе“. Говоря иначе, г. Барацъ стремится къ тому, чтобы „исправленные“ имъ договорныя статьи соотвѣтствовали устанавливаемой сравнительно-историческимъ путемъ стадіи правового развитія изучаемой эпохи. Мало того, г. Барацъ строить свои статьи по аналогіи съ другими памятниками той же стадіи развитія и заимствуетъ изъ нихъ отдѣльныя слова и выраженія для восполненія предполагаемыхъ имъ въ исправляемомъ текстѣ лакунъ. Подобное пользованіе сравнитель-

но-историческимъ методомъ можетъ въ лучшемъ случаѣ сообщить дивинаціи г. Бараца извѣстную степень приближенія къ правовому стилю эпохи, но оно отнюдь не обеспечиваетъ достовѣрности возстановленнаго будто бы „оригинала мирнаго трактата“.

Особо слѣдуетъ отмѣтить, что въ основу сравнительно-историческаго изученія договоровъ г. Барацъ полагаетъ заимствование ихъ формы и содержанія изъ моисеево-талмудическаго права. Навязываніе такого заимствования всѣмъ юридическимъ памятникамъ нашей древности — излюбленный конекъ г. Бараца. И Русскую Правду, и Исковскую Судную Грамоту, и даже уставъ в. кн. Всеволода о церковныхъ судахъ выводитъ г. Барацъ изъ еврейскаго права. „Къ этому положенію“, говоритъ самъ г. Барацъ, „въ русскихъ ученыхъ кругахъ относятся съ недоверіемъ и неудовольствіемъ“ (IX). Такое отношеніе, по видимому, удивляетъ г. Бараца, но по существу дѣла въ немъ нѣтъ ничего удивительнаго. Всякое недоказанное предположеніе должно встрѣчать со стороны ученыхъ недоверіе, а частое и голословное повтореніе подобнаго предположенія можетъ вызвать и неудовольствіе. И новѣйшее увѣреніе г. Бараца относительно заимствованій изъ еврейскаго права въ договорахъ русскихъ съ Византіей врядъ ли можетъ рассчитывать на иной приемъ. Достаточнаго обоснованія такого заимствования авторъ не даетъ, приводимыя же имъ доказательства весьма шатки.

Доказательства г. Бараца сводятся къ тремъ основнымъ положеніямъ: 1) русскіе лѣтописцы нерѣдко пользовались арамейскими парадфразами ветхозавѣтныхъ книгъ и сборниками агадическихъ толкованій на эти книги, 2) въ числѣ посланныхъ для заключенія договоровъ русскихъ пословъ и гостей было нѣсколько іудео-хазарь и евреевъ, 3) сами договоры ссылаются на „Божіе законоданіе“, подъ которымъ, какъ и подъ *Iex Dei*, обыкновенно разумѣется законъ Моисеевъ (с. X и 22). Первое положеніе, если-бы даже признать его безусловно вѣрнымъ, можетъ служить лишь обстоятельствомъ, наводящимъ на мысль о заимствованіи, но отнюдь не прямымъ доказательствомъ заимствования правового содержанія договоровъ изъ еврейскихъ источниковъ. За вторымъ положеніемъ не признаетъ рѣшающаго значенія самъ авторъ: предположеніе о принадлежности нѣкоторыхъ пословъ и гостей къ іудео-хазарамъ и евреямъ основано исключительно на устанавливаемомъ г. Барацемъ чтеніи ихъ именъ (Истръ Аминодовъ, Гуды), между тѣмъ самъ г. Барацъ откровенно заявляетъ, что его „популярныя догадки, направленные къ установкѣ правильнаго чтенія этихъ именъ, все же не болѣе, какъ догадки“, и въ силу этого въ своемъ „исправленномъ“ текстѣ договоровъ опускаетъ весь вообще перечень именъ пословъ и гостей (с. X, XI, 60—62, 232—233). Наконецъ, прямая ссылка договоровъ на „Божіе законоданіе“ болѣе чѣмъ сомнительна по той простой причинѣ, что ея нѣтъ въ договорахъ, и найти ее можно только

въ 10-й статьѣ „исправленнаго“ текста „оригинала мирнаго трактата“ (с. 236). Создать упомянутую статью было не легко: для этого г. Барацу пришлось „собрать всея разрозненныя составныя части, запрятыя въ разныхъ уголкахъ договоровъ Олега и Игоря“ и „сложить во-едино эти отрывки“ (с. 110—111). При этомъ интересное насъ „Божіе законоданіе“ получилось путемъ „дивинаторнаго“ истолкованія г. Барацемъ „загадочныхъ словъ“ ст. 15-ой (по тексту Христоматіи М. Ф. Владимірскаго-Буданова) Олегова договора 911 г., „яко Божіе зданіе по закону и по покону“ (с. 110, прим. 1-ое и с. 116).

Увлеченіемъ исправленіемъ текста договоровъ, г. Барацъ простираетъ приемы своей дивинаціи и на Русскую Правду и по своему „возстановляетъ“ текстъ тѣхъ ея статей, которыя признаетъ параллельными „Договорной Правдѣ“ (с. 193—226). Послѣ ознакомленія съ приемами дивинаторной критики текста договоровъ мы считаемъ излишнимъ останавливаться на разсмотрѣніи тѣхъ операций, путемъ которыхъ г. Барацъ подводитъ Русскую Правду подъ общій съ исправленной имъ „Договорной Правдой“ ранжиръ.

Мысль о полной зависимости древне-русской письменности отъ еврейской не оставляетъ г. Бараца. Онъ обѣщаетъ подарить намъ въ ближайшемъ будущемъ изслѣдованіе объ еврейскомъ происхожденіи лѣтописной легенды о призваніи варяговъ.

Ө. Тарановскій.